

Михаил Тарковский. Три урока. Рассказы / повести. Тобольск, Общественный
благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2020 год. – 544 с.

А может быть, природа – это самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми? Может быть, нам не хватает душевной щедрости на любовь к ней, и потому она часто видится нам равнодушной и враждебной?

Михаил Тарковский

Самые первые впечатления от книги, это, конечно, визуальные и тактильные. Так уж получилось, что бумажные издания сегодня сильно сдали позиции книгам электронным и книгам звуковым. Технический прогресс и реалии жизни – ничего не поделаешь. При этом традиционные книги продолжают стоить серьёзных денег, превращаясь в некий культурный артефакт, и цены на них только растут. Это сказывается на качестве оформления, бумаги, полиграфии, но только не в случае с «Возрождением Тобольска»: экономить на изданиях у этого фонда не принято.

Я смотрю на крупный томик «Три урока» Михаила Тарковского и невольно выдыхаю – первые визуальные впечатления просто невероятные, так красиво и стильно смотрится книга. Сдержанные тона, чуть расфокусированный свет керосиновой лампы на обложке... Беру томик в руки – тяжёлый, увесистый, и это очень приятное ощущение. Листва: книга богато иллюстрирована стильными и аскетичными чёрно-белыми фоторепродукциями, бумага же – ледериновая. Вот она, магия стиля и красоты: берёшь издание в руки, и выпускать его не хочется...

Книга предваряется двумя вступительными материалами: «Три урока» и «Бабушкин внук». Они словно готовят к непростому диалогу, настраивают, что называется, на нужный лад, ведь дорогому читателю тоже придётся чуточку потрудиться – пред-

ложенное бытийное пространство чрезвычайно насыщено.

Интересно отметить, что в книге сначала идёт раздел с рассказами и лишь затем более крупная форма – повести.

Это очень плотная, очень густая проза. Тексты чрезвычайно фактурны. Описания избилуют деталями – тонкими, многогранными. Они ткут соответствующее пространство – мир, в котором происходят описываемые события. Исключительно яркая образность – впечатления от этой образности не раз побуждали меня остановиться и ещё раз перечитать определённые фрагменты, выписанные, как мне виделось, наиболее богато.

Рассказ «Васька» начинается крайне неудобным утром. Эту «неуютность» можно почти потрогать: «У безжизненного кострища мокро блестела банка. Вода стояла в собачьем тазу, висела мелкими шариками в кедровых иголках.... Чуть забелело в низких тучах, от ожившего ветра полилось с деревьев крупными каплями...».

Не только енисейская тайга в прозе Тарковского живёт и дышит. Мы – читатели – в ней живём и дышим. «Подробности – Бог», – говорил Гёте. И Вселенная Михаила Тарковского как раз создана из таких вот подробностей, из таких тонких, совершенно уникальных и неповторимых деталей. Собственно, енисейская тайга – это своего рода герой, персонаж. Это понимаешь не сразу, но через какое-то время тебя не покидает ощущение, что тайга чувствует, дышит, страдает и живёт прямо как мы, – люди! В наибольшей степени это транслируется через такое философское воззрение Тарковского: «Она кажется нам наивной и бессмысленной [природа], потому что, быть может, мы сами ищем смысла вовсе не там, где надо.... Может,

потому пугаемся, глядя, как она столько раз умирает, что к своей смерти относимся неправильно?» (фрагмент из рассказа «Осень»). Полагаю, одна из центральных мыслей Тарковского в том, что мы слишком увлечены собой; почти в непрерывном заблуждении часто возводим в главное не то, что нужно, и, быть может, у природы, у которой ничего просто так не происходит и ничего случайного нет, и стоит взять главные уроки!..

Чрезвычайно лиричен рассказ «Таня». Этот рассказ, как и другие у Тарковского, больше похож на картину или, скорее всего, фотографию. Подборку фотографий, что ли... Произведение статично, но при помощи красок и особенного инструментария передаёт драйв исключительной эмоциональности.

Любовь. Описать это явление ярко и нестандартно всё труднее – столько уже понаделано этого. Рассказ «Таня» – как вспышка, как засвеченные фотографии: один яркий образ, другой... часто не структурные и очень эмоциональные: «Пел за спиной мотор, нёсся мимо каменистый берег с островерхим ельником, светило солнце, и всю дорогу в серебряных брызгах у кормы стояла, как приятное воспоминание, маленькая радуга»; «Таня ещё спала, когда чисто-чисто пропел зүёк над Енисеем, когда застрекотала пила, выпустив синее облачко, и было поначалу неловко за этот шум, будто я пилу не листовняный кряж, а первую осеннюю тишину, ещё в виде пробы натянутой над полузаброшенной деревней».

Всё произведение «Таня» – ожидание счастья. Герой и так счастлив, но это только предвкушение перед счастьем глобальным, которое может подарить та, о которой так просто написано в первых строках рассказа: «...чистая кожа, копёшка пушистых волос и щедрая улыбка, от которой прищуривались глаза и получалось выражение, будто она совершенно всё понимает».

Вся эта яркая «подборка» фотографий заканчивается предпоследним «чёрно-белым» негативом: это когда Таня отказалась дать адрес «...и что-то добавила насчёт флирта, который с ней не «пройдёт». Однако самый последний «кадр» – он же самый яркий – как некое философское прозрение о том, что же ведёт нас всех по жизни...

Рассказ «Ледоход» можно охарактеризовать как очень личный. Главная героиня – тётя Надя – самый настоящий христоцентричный персонаж. Она не современная, часто смешная, но простодушная и открытая и, кажется, не способна ни к злости, ни к агрессии, ни к осуждению, ни к долгой обиде. При всей своей простоте, прожившая такую трудную жизнь, напоминающую реку в период ледохода, она умеет быть счастливой. Это особенная природная философия, и кто знает, если бы мы смогли постичь её хотя бы в четверть, то были бы счастливее раз в сто...

Флагманом книги, на мой взгляд, выступает повесть «Полёт совы». Мне кажется, это произведение несколько отличается от большинства остальных

нх, представленных в данном томе. Здесь более осязаемый сюжет. В повести довольно много диалогов – очень интересных диалогов, остро и ярко обозначающих конфликт.

Главный герой повести «Полёт совы» – молодой школьный учитель литературы Сергей Скурихин – переезжает из большого города в таёжный посёлок на реке Енисей. Герой решает в корне изменить свою жизнь... Как отмечалось выше, и здесь сюжет маловыраженный и скорее напоминает нарезку из неспешно сменяющих друг друга событий, происшествий, будничной жизни...

Скурихин вызывает порой противоречивые чувства: он обживает, налаживает контакты, не отказывает в помощи своим новым знакомым. Многие черты его вполне симпатичны. Однако в дискуссиях филологического либо философского свойства, в разговорах на патриотические темы молодой герой зачастую не умерен и подаёт свои точки зрения слишком напористо, навязчиво и категорично. Вне зависимости от того «прав или не прав», Скурихин часто без уважения относится к чужим мнениям, идущим в разрез с его собственными. Слишком любит герой поучить других и даже тех, кто старше его раза в два. Собственно, конфликты такого рода, построенные на противоречиях, имеют особенную ценность: на таких контрастных проявлениях наиболее ярко высвечиваются глубинные психологические нюансы.

«Любимый» авторский материал – портреты героев и их характеристики через эти портреты – тут, конечно, на высоте: описания фактурны и колоритны. Вот портрет Моти (мужа Валентины Игнатьевны): «Коренастый, резко-ухватистый. Плотный. Породистый сильной мужской породой... Тёмной масти чуть с отливом в прозолоть, стриженный бобром, обильно-щетинистый... Все части, черты крупные, напластаны густо, уверенно...».

Интересно отметить тот факт, что в современной прозе часто даются краткие портреты, как бы штрихами или мазками: две-три яркие характерные детали, и готово дело. И часто это вполне оправданный и рациональный, с точки зрения современного письма, ход. Михаил Тарковский выписывает портреты с особым тщанием, с мельчайшими подробностями. Так делали русские классики. Вот обратите внимание на ещё один портрет из «Полёта совы»: «Козловский полный, светлорусый, с розовыми щеками. Очень курносый и какой-то ноздристый, нос крупный, и от этого несколько кабаний вид. Губы тоже крупные, расстояние от носа до верхней губы большое. Крупен... /При этом Костя полный, но не рыхлый, а наоборот, очень плотный, такой боровок.... Очень сильный, порывистый, аж вздрагивает всей массой, когда что-то хватает, поднимает». И это только часть описания данного персонажа. Десятая часть! В технике письма много самобытного, и следить за такими развёрнутыми описаниями очень любопытно.

Важно заметить, что подавляющее большинство героев в прозе Тарковского – это прежде всего

характеры. Сильные. Зачастую неровные и тяжёлые, не всегда цельные, но мощные и весомые, что ли...

Проза Михаила Тарковского глубоко рефлексична, и это проза, безусловно, очень высокого класса. Прежде всего, это касается языка, стиля, богатейшей образной системы. Как уже отмечалось, проза очень плотная, густая, – её проживаешь. Даже не так... В ней живёшь. Здесь не всегда можно дифференцировать чёткий сюжет, и сюжетное движение бывает стихийным. Более того, даже конфликт в некоторых коротких рассказах хотя и может быть ярким, но зачастую номинальный. Автор сосредоточивается на портретных характеристиках и нюансах межличностных взаимоотношений. В этом состоит, своего рода, читательская работа: предложен сложный психологический материал, часто с очень узкими, точечными и неравномерными акцентациями; выводы – за читателем.

Рассказы и повести Тарковского – как альбом с фотоматериалами, поданными ярко, эмоцио-

нально, но временами статично. Благодаря таким решениям, а также во многом языку перед нами довольно аутентичное искусство. Сегодня очень мало такой литературы.

Структура конфликта у Тарковского нестандартная и потребует от читателя некоторого внимания. В совокупности с исключительно высоким качеством литературного вещества идейная составляющая также выглядит нетривиально. С одной стороны, автор говорит о простых вещах, но так по-другому, что на одно и то же «тысячу раз привычное» вдруг с удивлением смотришь иначе. И это вызывает удивление и очень странные ощущения. Проза Тарковского не проста, но я приведу тривиальную мысль о том, что именно при чтении подобной литературы наиболее тонко выгранивается наш вкус, усложняется мироощущение. Необычное послевкусие от этой книги за счёт проделанной читателем психологической работы делает нас сложнее...